

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
И15

Laila Ibrahim
YELLOW CROCUS

Перевела с английского
Ольга Полей

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Ирина Бабушкина

Настоящее издание выходит
с разрешения *Amazon Publishing, www.apub.com*
при содействии *Synopsis Literary Agency*

Ибрагим Л.

И15 Желтый крокус : [роман] / Лайла Ибрагим; [пер. с англ. О. Полей]. — СПб. : Аркадия, 2019. — 288 с. — (Серия «Роза ветров»).

ISBN 978-5-907143-07-4

США, штат Вирджиния, 1837 год. Новорожденная дочь плантатора Лисбет впервые в жизни берет грудь, но не матери, а чернокожей рабыни-кормилицы Мэтти. Мэтти тоскует по сыну-младенцу, семье и друзьям, но в ее сердце хватит тепла и для крошечной белой мисс. Так начинается история нежной привязанности и дружбы двух женщин. Их отношения не идеальны, но Лисбет с радостью принимает мир Мэтти, учится у нее любви, мужеству и стремлению к свободе. И все это пригодится девушке, когда, лишенная любимой кормилицы, она будет отстаивать право на собственную жизнь.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

© Laila Ibrahim, 2014
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2019

ISBN 978-5-907143-07-4

*Калин, Майе и Ринде. И всем Мэтти на свете —
прошлым, настоящим и будущим*

ПРОЛОГ

Мэтти никогда не была моей до конца. Это знание со всей его непреложностью я впитала, должно быть, вместе с молоком из ее груди. Да, она была «собственностью» моей семьи, да, она долго оставалась для меня центром мира — но главная любовь ее жизни была не со мной. Радость от того, что она рядом, всегда шла рука об руку со страхом, что однажды я ее потеряю. Вот наша история. Вы спросите, правдива ли она? Уверяю вас, это чистая правда, сколь бы мои родители ни желали иного. Это самая правдивая история из всех, когда-либо рассказанных: история моей любви к Мэтти и, полагаю, ее ответной любви ко мне.

ГЛАВА 1

14 АПРЕЛЯ 1837 ГОДА

Когда в дверь постучал недобрый вестник, Мэтти лежала, обвившись вокруг теплого тельца сына. Она не сразу встала со своего деревянного топчана, продлевая последние драгоценные мгновения и прислушиваясь к тихому похрапыванию дедушки. Посмотрела долгим взглядом на Сэмюэля, уткнулась носом в его мягкую шейку, вдохнула сладкий младенческий запах. Бережно отерла капельки пота, блестевшие на его влажном лбу, и нежно поцеловала в висок. Вновь послышался настойчивый стук. Мэтти встала. Прижав к себе Сэмюэля так крепко, что чувствовала на груди его теплое дыхание, еле передвигая ноги по утоптанному земляному полу, она подошла к двери. Она ждала этой вести, жила в предчувствии этого стука уже не первую неделю, и все время обмирала от ужаса при мысли о них.

Вот сейчас она откроет дверь, и жизнь ее навсегда расколется на «до» и «после».

Мэтти медленно потянула на себя грубо сколоченную дощатую дверь и увидела в лунном свете маленький силуэт. За дверью стояла Эмили — худенькая девочка со

светло-карими глазами и кожей цвета чая с молоком. Мэтти уже видела ее раньше, но почти не знала. Девочке было, пожалуй, лет двенадцать, не больше.

У двадцатилетней Мэтти кожа была, напротив, темная, цвета обжаренных кофейных бобов. Угольно-черные волосы она заплетала в две тугие косы, обрамлявшие узкое лицо. Голова ее была по обыкновению повязана заношенной белой тряпицей.

Не здороваясь, Эмили пробормотала:

— Надо тебе идти. Ребеночек вот-вот народится.

Передав свою весть, она тут же развернулась, готовая бежать назад, к большому дому.

Мэтти остановила ее:

— Погоди, Сэмюэля с Дедой оставлю.

— Поживее только. Ждут тебя.

Мэтти вернулась к своему топчану. Деда уже сидел и ждал, когда ему передадут правнука. Руки у него были старческие, отекавшие, скрюченные, а в опухших деснах почти не осталось зубов.

— Пора? — спросил он.

Мэтти кивнула. Слезы так и наворачивались на глаза. Она нежно поцеловала Сэмюэля в пухлую щечку.

— Я люблю тебя, — тихонько прошептала она в крошечное ушко сына и в последний раз прижалась губами к безволосой головенке. Сжала зубы, прикусив себе щеку, и бережно передала Сэмюэля в морщинистые руки дедушки.

— Не забудь, пусть Ребекка его покормит, как проголодается, — напомнила она, хотя он и так прекрасно знал, что делать.

Он выслушал ее, как всегда, терпеливо.

— Ты о нем не тревожься. Себя там береги.

И погладил ее по темно-коричневой руке.

Она долго смотрела ему в глаза, надеясь, что он поймет и то, о чем она промолчала. Ей хотелось быть уверенной, что о ее малыше позаботятся как следует и, когда он подрастет, объяснят, что оставила она его не по своей воле, чтобы тот признал в ней мать, когда она вернется. Но Мэтти ничего не сказала. Не закричала, не возмутилась, не стала умолять дать ей еще хоть немного времени. Она молча отвернулась, сморгнула слезы и вышла из дома, где остался ее сын. Выбора у нее не было. Ей оставалось только крепиться, чтобы пережить разлуку и вернуться к Сэмюэлю при первой возможности.

Когда это случится — через месяцы или через годы, — никто ей сказать не мог.

* * *

Идя за тусклым светом масляной лампы Эмили, Мэтти вся дрожала. Они направлялись к большому дому — путь, почти незнакомый и вызывавший в ней привычный страх.

— Давно у нее схватки? — спросила Мэтти, когда миновали маленькую кирпичную летнюю кухню.

— Да чуть не целый день. Как отобедали, так и стала кричать.

— А воды отошли?

— Не знаю, — ответила девочка. Они уже подходили к задней части большого дома.

Вошли в крашеную дверь и поднялись по ветхой лестнице черного хода на второй этаж. Мэтти никогда не бывала в этом доме, и еще несколько дней назад даже не могла представить, что когда-нибудь придется там побывать. Почему в кормилицы будущему младенцу выбрали ее, а не сестру Ребекку, она не знала. Спрашивать о чем-либо или возражать белым господам не полагалось. Что прикажут, то и делай.

В волнении Мэтти шагала вслед за Эмили по мягкому цветастому ковру. Пройдя по прямому белому коридору мимо нескольких полированных дверей, Эмили остановилась перед последней дверью слева.

— Иди, там тебя ждут, — пояснила она и указала пальцем перед собой. Потом зевнула во весь рот, развернулась и зашагала прочь по коридору.

Мэтти в растерянности осталась стоять одна, и сердце у нее отчаянно колотилось. Вдруг белая дверь распахнулась. Она успела отскочить, иначе бы ее сбили с ног.

Из-за двери пахло теплом и запахом пота. Нерешительно остановившись на пороге, Мэтти заглянула в полутемную комнату.

Миниатюрная белая женщина с кожей цвета жирных сливок лежала на широкой кровати и громко стонала, не открывая глаз. Влажные темные волосы облепили потное, опухшее лицо. Внезапно черты женщины исказились, и она закричала от боли. Глаза зажмурились так, что ресниц не стало видно, а губы она закусилась с такой силой, что они совсем исчезли.

— А, вот и ты, — проговорила одна из двух женщин, склонившихся над кроватью, — белая, рослая, с узкими голубыми глазами и седыми волосами, стянутыми в тугий пучок. Она ткнула пальцем в угол комнаты. — Не до тебя тут пока. Осложнение... — она прервала себя на полуслове и не стала объяснять дальше. — Иди, сядь в кресло и не вздумай потревожить госпожу.

Мэтти вошла в комнату, стараясь ступать как можно тише и незаметнее, чтобы не привлекать внимания краснолицего мужчины, стоявшего в ногах кровати. Она опустила в роскошное бархатное кресло и машинально погладила гладкий ворс кончиками коричневых пальцев. Бегло окинула взглядом комнату, разглядывая

обстановку. Миссис Энн, хозяйка дома, лежала на кровати с пологом, украшенной замысловатой резьбой и занимавшей большую часть комнаты. Рядом стоял умывальник с мраморной крышкой, на которой лежала мятая тряпица. Мужчина отдавал распоряжения двум женщинам, стоявшим по обе стороны кровати.

— Когда я начну тянуть младенца, держите ее, — велел он. — Не давайте ей двигаться ни в коем случае, иначе оба могут умереть.

Доктор вытащил из сумки грязные металлические щипцы и наскоро обтер окровавленной тряпкой. Затем склонился над кроватью.

— Давайте, — скомандовал он.

Женщины стиснули бледными пальцами плечи и руки больной, с силой вдавив ее в матрас. Мэтти вздрогнула от жалости и беззвучно охнула, когда доктор засунул щипцы внутрь хрупкого тела.

— А-а-а, а-а-а, а-а-а! — вскричала миссис Энн. Доктор с силой потянул на себя металлические щипцы, но они не поддались.

Он встал потверже, широко расставив ноги, и вновь потянул. Руки соскользнули, а инструмент остался в теле женщины. Доктор пробормотал что-то про себя, вытер вспотевшие ладони о брюки и снова крепко ухватился за щипцы. Медленно, следуя за руками, инструмент поддался усилию доктора.

Между тонких белых ног госпожи, крепко сжатая по бокам треугольными щипцами, показалась круглая багровая макушка.

Доктор закричал. Левая рука опять сорвалась.

— Ишь какой упрямец! — сказал он.

Он вновь потянул за щипцы в тот самый момент, когда матка женщины начала сокращаться и головка младенца

вылезла еще немного: Мэтти уже видела кончики ушей. Схватки прекратились. Доктор потянул еще раз — безрезультатно. Следующая попытка сопровождалась схватками, и в этот раз появилась уже вся голова, а затем и плечи, туловище, руки и ноги. Лилового цвета младенец безжизненно шлепнулся на кровать.

Доктор молча смотрел на неподвижное тело ребенка. Мэтти боролась с желанием схватить малыша, перевернуть и растормошить как следует. Она беспомощно ждала, когда же доктор сделает хоть что-нибудь.

«Ну давай же, — мысленно подбадривала она дитя, которое своим появлением разрушило ей всю жизнь. — Дыши!»

Доктор перевязал и обрезал пуповину, а младенец все так же лежал без движения. Вдруг он дернулся, запрокинул мокрую головенку, раскрыл синий ротик и разразился дребезжащим ревом. Мэтти издала про себя победный клич: «Так, так, малыш!»

— Хорошо, что я оказался здесь и смог принять роды, — объявил доктор. — Без помощи современной медицины ей бы ни за что не сделать первый вздох.

— Девочка? — переспросила молодая мать.

— Да, — сухо подтвердил доктор.

Молодая женщина вытянула шею, стараясь разглядеть дочь, и протянула к ней руки. Доктор небрежно завернул младенца в пеленку и хотел было передать лежащей в постели женщине.

— Не сейчас. Вы еще слишком слабы, — сказала рослая женщина с пучком. — Отдайте ребенка кормилице, — обратилась она к доктору.

Мать, не споря, бессильно опустила на подушки. Пожав плечами, доктор отнес мокрый сверток Мэтти. Передавая новорожденную, он спросил:

— Молоко-то у тебя есть?

— Да, сэр. У меня ж сынок пару месяцев как народился, — ответила Мэтти, глядя в дубовый пол.

— Ну так делай свое дело, — ответил доктор. Он снова повернулся к кровати — нужно было еще принять послед и наложить швы.

Мэтти разглядывала пока еще безымянного розового младенца. Щипцы оставили вокруг приплюснутых ушек синюшно-багровые следы. Между тем девочка уже облизывала губы и вскидывала голову в поисках еды. Задрав рубашку, Мэтти оголила полную грудь с большим соском. Придерживая грудь ладонью, тихонько пощекотала набухшим соском крошечные губы, пока малютка не открыла ротик пошире. Тогда Мэтти быстро притянула ребенка к себе, и младенческий рот жадно захватил грудь. Ребенок сосал энергично, и вскоре Мэтти ощутила знакомый толчок: молоко пришло. Она откинулась назад в мягком кресле, прижимая девочку к сердцу. Глядя на эту новую жизнь, Мэтти вспомнила о Сэмюэле, который спал сейчас на жестком топчане в другом мире в каких-то двухстах шагах. Ее охватила тоска по нему. Так захотелось взять на руки его вместо этого, чужого ребенка. Крепко ли он спит рядом с Дедой или беспокойно ворочается, ожидая утреннего кормления? Сердце разрывалось при мысли, что он не в состоянии даже понять: их жизни вместе пришел конец.

Новорожденная не успела еще выпустить грудь, как рослая белая женщина с тугим пучком прервала их.

— Малышку будешь звать мисс Элизабет. А я миссис Грэй, экономка. Иди за мной.

Мэтти мягко отняла мисс Элизабет от груди иправила на себе одежду. Сунув новорожденной в рот

мизинец вместо пуштышки, она двинулась за экономкой с теплым мокрым свертком на руках.

Миссис Грэй повела ее по тускло освещенному коридору в комнату в задней части дома. Справа, у камина, стояли зеленая кушетка и два бежевых кресла. Посередине комнаты, у высокого окна, располагались маленькая кроватка и кресло-качалка. Экономка не остановилась здесь, а прошла налево, к другой двери, ведущей в маленькую комнатку без окон. Бóльшую ее часть занимала низкая кровать, покрытая выцветшим лоскутным одеялом, а в оставшееся место кое-как втиснулся узкий шкафчик. В просмоленной стене напротив была еще одна дверь.

Остановившись в дверях между двумя комнатами, миссис Грэй пояснила:

— Большая комната — мисс Элизабет. Ты будешь спать здесь. Задняя дверь ведет в прихожую и на лестницу для прислуги. Ты должна ходить по парадной лестнице только вместе с мисс Элизабет. Когда ее с тобой нет, ходи через черный ход. Здесь, в шкафу, две смены одежды — два платья и две ночные рубашки, — миссис Грэй показала, где они висят, а Мэтти изо всех сил старалась запомнить все ее указания. — Каждое утро в понедельник — это первый день после воскресенья — одно платье и рубашку будешь бросать вот сюда, в желоб. Стирать тебе будут только раз в неделю. Эта тряпка на голове тебе больше ни к чему, ее надо выбросить. Эмили, горничная на этом этаже, будет приносить тебе еду три раза в день. Если чего-то не поймешь, спрашивай у Эмили, она весь распорядок в доме знает. Мисс Элизабет будешь выносить из комнаты, когда скажут.

Миссис Грэй строго посмотрела на Мэтти.

— Перейти в домашние слуги — редкая честь. Надеюсь, ты оправдаешь доверие?

— Да, мэм, — ответила Мэтти.

— На тумбе возле комода мисс Элизабет стоит теплая вода для мытья, — продолжала наставления миссис Грэй, когда они вернулись в детскую. — Искупай ее, пока вода не остыла.

Когда миссис Грэй ушла, Мэтти перевела взгляд на малышку, обхватившую ее ручонками, и проговорила:

— Ну, маленькая, вот мы с тобой и одни. Уж и не знаю, что я с тобой делать буду. Видать, вместе будем как-то обживаться. Давай-ка перво-наперво поглядим, что у тебя тут в комнате есть, а потом уж купаться будем.

Мэтти стала ходить вместе с мисс Элизабет по комнате, изучая новую обстановку. Какие-то длинные полосы темно-зеленой материи свисали с реек, прибитых к стене в нескольких сантиметрах от потолка. Мэтти подошла, потрогала гладкий шелк и догадалась, что за ним что-то есть. Раздвинув шторы, она обнаружила два высоких окна. Мэтти уже видела стекло, знала, как оно называется, но потрогать его руками ей еще не доводилось. Она провела загрубевшими кончиками пальцев по холодной гладкой поверхности. Выглянула наружу, и дыхание у нее перехватило: невольничьи лачуги были как на ладони. На дворе было еще темно, но все равно можно было разглядеть каждую хижину.

В первый раз она смотрела на невольничьи дома сверху и не сразу смогла разобраться, где же там чье жилище. Наконец разглядела свою хижину, пятую с краю, за которой тянулись бревенчатые скамьи, и сердце у нее дрогнуло. Она поискала глазами Сэмюэля и Деду, но их нигде не было. Мэтти долго не отрывала взгляда от окна — уж очень хотелось хоть на миг их увидеть. Глаза у нее были полны слез, сердце сжимала тоска. За окном не было никого, но она все стояла и смотрела, не отрываясь.

Мисс Элизабет захныкала, напоминая о себе. Мэтти дала ей палец и вернулась к осмотру комнаты. Стоявшая слева от окон узкая кровать темного вишневого дерева была покрыта новехоньким, ладно сшитым лоскутным одеялом. Яркие кусочки ткани складывались в рисунок — летящие гуси, казалось, вот-вот выпорхнут в окно. Мэтти присела на кровать, удивляясь, какая она мягкая и как приятна на ощупь гладкая ткань.

— Славное же у тебя будет местечко для спанья, малышка, даром что спать ты тут будешь еще не скоро, — сказала Мэтти. Много месяцев ребенку предстояло спать с ней в боковой камерке.

Справа от окна, в углу, стояло полированное кресло-качалка, а рядом — такой же полированный комод с мягкой стеганой подушечкой на крышке. Мэтти положила ребенка на эту подушечку, возле таза с теплой водой. Заглянув в ящички, она обнаружила там превосходно сшитые детские платица, чулочки, подгузники и чепчики, скатанные в тугие клубочки, — будто яйца, ожидающие, когда их положат под наседку. Мэтти взглянула на младенца и покачала головой:

— Сколько ж у тебя тут нарядов — у полевых работников на всех не наберется столько одежды.

Она выбрала простой хлопчатобумажный комплект и разложила на кровати. Осторожно развернула извивающегося младенца и окунула в неглубокий тазик с чуть теплой водой. Мисс Элизабет завопила в знак протеста, когда Мэтти стала оттирать ее от белой смазки и алой крови — последних напоминаний о материнской утробе.

— Тише, тише. Ничего с тобой не случится. Ничего страшного нет, — успокоила Мэтти мисс Элизабет. — Ну вот и всё. Считай, готово.

Мэтти быстро подложила под малышку мягкий фланелевый подгузник. Натянула через пушистую головку свежее белое платьице, стараясь не задеть лицо Элизабет там, где остались синяки и ссадины от щипцов; затем продела тоненькие пятнистые ручки в пышные рукава и плотно завернула девочку в байковое одеяльце. Тогда новорожденная успокоилась и стала смотреть на Мэтти неподвижным взглядом.

— Видишь, ничего и не случилось, — проворковала Мэтти. — Вот какая чистенькая стала.

Она внимательно разглядывала новорожденную. Провела пальцем по красному личику и светлomu пуху едва различимых бровей. Глаза, уставившиеся на нее, были какого-то странного грязно-голубого цвета. В отличие от Сэмюэля, эта малышка казалась существом из другого мира. Трудно было поверить, что она когда-нибудь будет хорошенькой.

Как ни устала Мэтти и как ни горько было у нее на душе, она с любопытством приглядывалась к новому месту.

— Давай-ка посмотрим, что у тебя тут еще есть. А это что?

Она подошла к камину и уселась на зеленую бархатную кушетку. Попробовала, как та пружинит. Затем присела по очереди в оба кресла и попыталась покачаться на них, но они оказались жесткими, и у нее ничего не вышло.

Оставив спеленатую мисс Элизабет на кушетке, Мэтти опустилась на колени и стала рассматривать прихотливый плиточный узор на каминной полке и вокруг очага. Плитка оказалась холодной, как оконное стекло, но была ярко выкрашена в разные оттенки зеленого и золотистого. Мэтти поводила пальцем по завиткам узоров,

затем распрямилась и вздрогнула от испуга: что-то зашевелилось прямо перед ней.

— Здрасьте! — проговорила она.

Ответа не было. Она подалась вперед, чтобы лучше рассмотреть, что там. Навстречу ей шагнула какая-то женщина. Мэтти отпрянула от неожиданности. Видение тоже отшатнулось. Мэтти осторожно протянула руку к стеклу. Оно было прохладное и гладкое. Мэтти вгляделась в него, затем оглянулась на комнату за спиной, затем снова повернулась к зеркалу. Одна и та же комната, что перед ней, что сзади. Будто в воду глядишься. Она наклонила голову влево, вправо, открыла рот и высунула язык, разглядывая свое отражение.

Она внимательно изучила круглые глаза: до сих пор она никогда не видела их так ясно. В детстве ей говорили, что они похожи на мамины. И теперь зеркало подтвердило, что это правда. Глаза были такие же большие, теплые, темно-карие, как у мамы. Она протянула руку и коснулась лица, глядя, как ее собственные пальцы исследуют щеки, губы и нос. Мэтти искала в своих чертах черты Сэмюэля. Нос, решила она. Носы у них с Сэмюэлем одинаковые. И еще уши, пожалуй.

— Чего только не увидишь в твоей комнате, малышка, — вслух проговорила Мэтти, покачав головой, и взяла мисс Элизабет с кушетки.

Она сделала полный круг по комнате, следуя за цветочным узором на обоях, и вновь оказалась перед креслом-качалкой. Мэтти придвинула его к окну, взяла мисс Элизабет на руку, села и стала смотреть на невольничьи лачуги. Солнце только вошло, скоро все проснутся и пойдут в поле работать. Время от времени Мэтти оглядывалась на дверь, чтобы убедиться, что за ней никто не наблюдает. Она смотрела и раскачивалась,

раскачивалась и смотрела, как будто ее душа одной силой желания могла преодолеть расстояние, отделяющее ее от сына.

Наконец из хижины вышел Деда с Сэмюэлем на руках. Он свернул в противоположную сторону от большого дома: понес Сэмюэля к Ребекке на утреннее кормление. Наклонившись к самому окну, Мэтти пыталась понять по лицу сына, не расстроен ли он. Издали трудно было разобрать, но она была уверена, что он не плачет. Головка Сэмюэля виднелась над плечом Деда, безмятежно-спокойное личико покачивалось в такт прадедушкиным шагам. Мэтти неотрывно смотрела, как сын делается всё меньше и меньше, пока он совсем не пропал из виду, будто листок, унесенный рекой.

Раздавленная тоской и чувством утраты, Мэтти не могла больше смотреть на свой мир. Она вышла из комнаты с окном и расстелила постель на непривычной, чужой кровати в маленькой каморке. Забрала ребенка к себе в эту тихую темную пещерку и закрыла дверь. Уложив младенца на середину постели, на старенькое лоскутное одеяло, Мэтти легла рядом и заплакала. Она обхватила голову руками, а слезы всё катились и катились по щекам в мягкую перьевую подушку, словно струи дождя в жаркий летний день. Тоска по сыну была такой невыносимой, что не давала дышать.

Когда рыдания стихли, она подняла голову и поглядела на спящую рядом девочку. На веках мисс Элизабет под прозрачной бледной кожей виднелись крошечные голубые прожилки. Хрупкая, беспомощная малышка лежала, еще не ведая, что за мир ее окружает. Мэтти потрогала крошечные глаза, нос, губы; рука скользнула по мягкому подбородку младенца, по тоненькой, беззащитной шейке.

Ее вдруг захлестнула волна ненависти.

Мэтти накрыла рукой маленький рот и сдавила покрепче, так что ладонь зажала и маленькие ноздри. Сердце бешено колотилось о грудную клетку. Две-три минуты — и всё будет кончено.

Малышка выгнулась, ее губы разомкнулись, и из маленького тельца вырвался внезапный громкий крик.

Мэтти отдернула руку.

— Да, я в западне, но до такого еще не дошла, малышка, — горячо прошептала она. — Я тебя не трону, маленькая мисс, — успокаивала она не столько несмышленного ребенка, сколько себя и Бога.

Мэтти рухнула на кровать. Она была измучена, ей хотелось уснуть, забыться сном, но как только она легла на спину, в воображении стала всплывать одна картина за другой. Она представила Сэмюэля — как он кричит на руках у Ребекки, выгибая спину в отчаянном протесте. Запомнила ли Ребекка, как его надо правильно пеленать, согнув ручки кверху, когда он сильно плачет? Усилием воли она постаралась подумать о чем-то другом и вместо плачущего Сэмюэля представила, как он, счастливый и довольный, лежит на груди Ребекки. Но это ее мало утешило.

Она встала и вышла одна в комнату с окнами. Прижав ухо к стеклу, она ждала, не послышится ли голос сына. Нет, ничего. Слышно было только, как громко колотится сердце.

— Ребекке не привыкать нянчить маленьких, — прошептала она сама себе. — Она добрая и любит Сэмюэля. Ребекка с Дедой позаботятся о нем.

Мэтти стала молиться вслух:

— Господи, это я, Мэтти. Я знаю, сейчас утро, а я с тобой почти всегда разговариваю на ночь, но сегодня

мне без твоей помощи никак. Прошу тебя, храни моего Сэмюэля. Пускай Ребекка его кормит, и пускай ему там будет хорошо, но не настолько хорошо, чтоб он совсем меня забыл. Помоги мне быть добрее к этой малышке. И сделай так, чтобы я ей поскорее стала не нужна и меня бы отпустили домой. Спасибо, что выслушал меня. Аминь.

Мэтти вернулась в свою каморку. Опустилась на кровать и повернулась спиной к лежащему рядом младенцу. Она беззвучно напевала колыбельную в надежде, что слова знакомой песенки утешат и убаюкают ее.

Проснувшись через несколько часов от голодного детского крика, она обнаружила, что свернулась клубочком вокруг мисс Элизабет, словно кошка-мать вокруг выводка котят. Она вспомнила, где она и почему, и сердце у нее тут же упало. Но она исполнила свой долг, и малышка получила то, в чем нуждалась.